

script]; G. Salát, A zhangjishani leletek és a Zouyanshu [The Zhangjishan Finds and the Zouyanshu]; I. Sántha, “Ideje már a tajgába indulnunk!” [“It is Time to Go to the Taiga”]; A. Sárközi, Ófényessége tanítása — A 8. Dzsebcundmba Kutuktu pástorlevele [Admonishing of His Holiness. An Edifying Letter of the 8th Jebtsundamba Khutuktu]; I. Seres, 18. századi magyar híradások a volgai kalmükökről [18th Century Hungarian Reports about the Volga Kalmüks]; J. Sipos, A szitü indián dalok ázsiai kapcsolatairól [About the Asian Relation of the Sioux Indian Songs]; T. Skrynnikova, Semantic Codes of the Buryat Traditional Culture in the Epos “Alamzi Mergen”; Gy. Somlai, Tāranātha egy dóhá-magyarázata [A Doha-Interpretation of Tāranātha]; P. Szalmási, Kárókatona [The Hungarian Word ‘Kárókatona’ (‘cormorant’)]; Zs. Szilágyi, Áldan szent fája [Saint Tree of Áldan. Historical Background of a Sacred Place’s Tribute]; R. Takács, Identitás és nyelvek? A modern tibeti irodalom kialakulása és paradoxonai [Identities and Languages: The Development and Paradoxes of Modern Tibetan Literature]; M.M. Tatár, Some Central Asian Ethnonyms among the Mongols; K. Teleki, Mongólia kolostorai az Arany Krónika jegyzéke alapján [Monasteries of Mongolia. A List of the Golden Annals]; E. Tóth, Dzsingisz kán származásának leírása tibeti nyelvű történelmi művekben [Genealogy of Činggis Khan in Tibetan Historiography]; L.B. Töröcsi, Sarki hisztéria — avagy egy hétköznapi kiút létének felismerése [Polar Hysteria or Discovering the Way out of Everyday Life. A Selection of Contemporary Mongolian Poems]; R. Török, A Dayan Degereki hegyisten-séghez szóló tibeti nyelvű áldozati rituálészöveg két változatának összehasonlítása [A Comparison of Two Variant Readings of the Ritual Text of an Offering to the Mountain God Dayan Degereki in Tibetan]; Ф.М. Трофимова, Категория посессивности и ее выражение в монгольских языках; L. Uherkovich, A Citta-mātra iskola bemutatása Dkon-mchog ‘jigs-med dbang-ponál [The Presentation of the Citta-mātra School in the Dkon-mchog ‘jigs-med dbang-po’s Grub-mtha’ mam-par bzhaḡ-pa rin-chen phreng-ba (Precious Garland of Tenets)]; K. Uray-Kóhalmi, Geser/Kesar, der Weltherrscher und Erlöser [Geser/Kesar, the Sovereign of the World and Saviour]; F. Varga, A burját xawçaaxai [The Buriad xawçaaxai]; I. Vásáry, Oldamur és társai [Oldamur and His Namesakes]; Д. Васильев, Неопубликованные наскальные надписи из

Тувы; P. Veres, A magyarok és az obi-ugorok közös *mañce őnelemzése etimológiájának történelmi és mítikus háttere [The Mythological Background to Common Ethnonyms (*mañce) of the Ob-Ugrians and Hungarians]; T. Windhofer, A Fehérlófia Belső-Ázsiában [The Folktale “Son of the White Horse” in Inner Asia]; Gy. Wojtilla, Samyamātrkā II, 91–92. Interpretációs lehetőségek [Samyamātrkā II, 91–92. Possibilities of Interpretation]; M. Yamaji, Kakun — a japán “családi intelmek” [Kakun, the Japanese “Family Precepts”]; Gy. Zentai, Három nepáli bronzszobor a Hopp Ferenc Kelet-ázsiai Művészeti Múzeum gyűjteményéből [Three Nepali Bronze Statues from the Collection of the Hopp Ferenc Museum of Eastern Asiatic Arts]; B. Zsigmond, Kartvél nyelv-e az örmény? [Is the Armenian a Kartvelic Language?].

Alice Sárközi

Повесть о Сагоромо (Сагоромо моногата-ри); Повесть о Такамура (Такамура моногата-ри) / Предисловие, перевод с японского и примечания В.И. Сисаури. — М.: Наталис — Рипол Классик, 2007. — 448 с. (серия «Восточная коллекция»)

Еще несколько лет тому назад казалось, что история классической японской литературы подробно изучена, результаты многолетних исследований отечественных и японских литературоведов обобщены в монографии В.Н. Горегляда «Японская литература VIII–XVI вв.: (Начало и развитие традиции)» (1997), а все наиболее значимые художественные тексты уже переведены на русский язык. Однако выполненные за последнее время переводы посеяли сомнения в том, насколько полно и адекватно наше сегодняшнее понимание особенностей литературного процесса эпохи Хэйан (IX–XI вв.). Среди новых русских изданий классических романов отметим: «Торикаэбая моногата-ри, или Путаница» (пер. М. Торопыгиной, 2003); «Повесть о дупле» (пер. В.И. Сисаури, 2004)¹ и «Повесть о Сагоромо. Повесть о Такамура» (пер. В.И. Сисаури, 2007). Если «Повесть о дупле» относится к раннему этапу развития жанра моногата-ри, то «Путаница» и «Повесть о

¹ Рецензию см.: Письменные памятники Востока. М., 2006, 1(4). С. 282–284.

Сагоромо» написаны уже после появления знаменитого романа «Гэндзи моногатари». Отечественные переводы этих произведений расширяют наше представление о художественном языке аристократической литературы, объясняют закономерность появления романа о блистательном принце Гэндзи и показывают, сколь грандиозно было его влияние на ход последующего развития литературы.

«Повесть о Сагоромо» принадлежит кисти писательницы Сэндзи (?–1092), придворной дамы принцессы Байси. Как сказано в «Записках без названия» («Мумё дзоси»), повесть появилась непосредственно после «Повести о Гэндзи» (предположительное время написания — 70–80-е годы XI в.) и долгое время оставалась одним из самых известных произведений, пока к началу XVII в. не утратила своей популярности. Авторство второй повести из рецензируемой книги — «Повесть о Такамура» — традиционно приписывается известному поэту и каллиграфу Оно Такамура (802–852), время ее создания точно неизвестно. Как пишет В. Сисаури, эта повесть гораздо короче повести о Сагоромо и с этой точки зрения соотносится с ней как небольшая повесть и роман, «однако между ними много общего: оба произведения представляют собой образец зрелого повествовательного стиля, и темой обеих является любовная страсть» (с. 20). Поэтому выбор двух произведений, соединенных в одной книге, представляется совершенно обоснованным.

Переводу литературных текстов предпослано предисловие переводчика, которое, на мой взгляд, по своему содержанию намного шире привычного. Хотя, как того и требует жанр, оно сообщает необходимые сведения о произведениях и их авторах, масштаб и характер обсуждаемых тем сближают его с литературоведческой статьей, по-новому представляющей ход развития хэйанской литературы и содержащей много интересных рассуждений и умозаключений. Для меня особенно важным показалось утверждение автора о том, что «при исследовании прозы периода Хэйан нужно прежде всего иметь в виду, что в Японии не существовало ни героического эпоса, ни волшебной сказки, возникающих на поздних этапах мифологического мышления, которые в других культурах являются источником развития последующих повествовательных жанров» (с. 14). Поэтому отсутствие сюжетного фонда заста-

вило авторов обратиться к типу дневника и к изображению современной им повседневной жизни (с. 19). Конечно, автор не отрицает того, что в прозе присутствуют некоторые сказочные сюжеты, но подчеркивает, что в этот период «национальные мифы не получили отражения, а встречающиеся сказочные сюжеты, по-видимому, иноземного происхождения» (с. 15). Подобная точка зрения объясняет причины эволюции средневековой литературы от ранних сказочных моногатари и дневниковой прозы к психологическому роману. Безусловно, В. Сисаури не первый, кто подметил эту особенность, до него многие авторы обращали на неё внимание. К примеру, Е.М. Мелетинский писал, что в средневековой Японии психологический роман появился «в значительной степени за счет преодоления сказочности более ранних повестей, использования дневниковых эссе и нарративизации лирических циклов»². Однако именно В. Сисаури, подытожив достижения своих предшественников, четко сформулировал мысль об «отсутствии сюжетного фонда», заставившего японских литераторов сделать объектом своего творчества любовные переживания героев, развертывающиеся на фоне жизни придворной аристократии.

В предисловии автор дает развернутый очерк развития прозы IX–XI вв., в котором показывает место в литературном процессе «Повести о дупле», не без влияния которой был написан роман о «жизни избранника богов» принца Гэндзи, и те связи, которые существуют между повествованием о Сагоромо и его прототипом, романом о Гэндзи. Пожалуй, до сих пор в отечественном японоведении не было столь полного и подробного исследования хэйанской прозы, вскрывающего генезис психологического романа в контексте крупных литературных произведений того времени. Добавим, что предшественники В. Сисаури, бесспорно, знали о таких сочинениях, как «Уцухо моногатари» и «Сагоромо моногатари», но в своих работах только вскользь упоминали их, не давая литературоведческого анализа.

Помимо этого, В. Сисаури рассматривает повесть о Сагоромо и о Такамура еще с двух точек зрения — как источник информации об обществе той эпохи и как литературные

² Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 258.

произведения. Здесь мне особенно интересной кажется идея автора об «идеологическом раздвоении эпохи», нашедшем свое отражение в мотиве борьбы за Сагоромо синтоистских богов и Будд.

Перейдем наконец непосредственно к тексту переведенных произведений. Их перевод выполнен безукоризненно, стиль повествования изящен, легок, занимателен. Прекрасный язык лишен нарочитой архаичности выражений, в то же время он великолепно передает атмосферу жизни придворного круга, реалии того времени, делая их понятными и доступными для современного читателя. Текст повестей насыщен поэтической лексикой, скрытыми поэтическими цитатами, в текст повести о Сагоромо включено двести шестнадцать танка, в небольшой по объему повести о Такамура — тридцать. Качество поэтических переводов не уступает прозаическим, все стихотворные цитаты прокомментированы в подробных примечаниях, при этом особо отметим, что переводчик не использует уже существующие русские переводы, а предпочитает (и очень успешно) давать свои. Удовольствие от чтения этих повестей во многом обусловлено их воздушным, увлекательным языком. Легкость пера переводчика создает иллюзию изящной простоты оригинального текста, который на самом деле представляет огромную трудность для перевода. Отменное качество перевода ставит их автора в ряд с лучшими представителями отечественной переводческой школы, такими, как А.Е. Глускина, В. Маркова и др.

Тонкое и умное предисловие, превосходящий слог переводчика только подтверждают незаурядность дара В. Сисаури как яркого исследователя и мастера перевода.

К.Г. Маранджян

Serikoff N. Arabic Medical Manuscripts of the Wellcome Library. A Descriptive Catalogue of the Haddad Collection (WMS Arabic 401–487). — Leiden, 2005. — XIII, 554 p., 5 ff. with ill. (Sir Henri Wellcome Asian Series, vol. 6).

Рецензируемый каталог — один из тех немногих, которые возрождают интерес к са-

мому жанру описания арабских рукописей. Он дает, в духе нашего времени, обязательный минимум — учитывая реальное уже наличие справочников — сведений о тексте сочинения в каждой отдельной рукописи и максимум информации — обо всем ином, что сопровождает в рукописи этот текст, не принадлежа ни автору сочинения, ни руке переписчика. Эта категория информации была редкой гостьей в каталогах предыдущего поколения. Но начиная с последней четверти минувшего столетия она стала занимать все больше места в каталогах арабских рукописей, превращая их в какой-то мере из чисто утилитарного жанра в род довольно увлекательной литературы по специальности.

Всем, кто занимается каталогизацией или пользуется в своей работе каталогами арабских рукописей, есть смысл внимательно познакомиться еще с одним вариантом.

Рецензируемый каталог появился на свет, как явствует из предисловия к нему (р. XI и 1–3), благодаря стечению ряда обстоятельств, которых оказалось, по счастью, достаточно, чтобы предпринять и осуществить такую трудоемкую и дорогостоящую работу. Этими обстоятельствами были: 1) неполное отражение старого фонда медицинских рукописей на арабском языке в каталоге Искандара¹ (с. 1); 2) приобретение в 1986 г. большой доли частного собрания Сами Ибрахима Хаддада², печатный каталог которого³ перестал соответствовать реальному местонахождению описанных в нем рукописей; 3) другие, спорадические, приобретения рукописей в течение 90-х годов. Необходимость в каталогизации этих поступлений соединилась с 4) обновленческими тенденциями в арабистической археографии (это еще одно обстоятельство в списке/перечне), и это привело составителя рецензируемого каталога (последний фактор в перечне) 5) к идее полной рекаталогизации арабских рукописей по ме-

¹ *Iskandar A.Z. A Catalogue of Arabic MSS on Medicine and Science in the Wellcome Historical Medical Library. L., 1967.*

² Ливанский врач и историк медицины (ум. в 1957 г.). О нем см.: с. 9–10. Его рукописное собрание состояло из 335 рукописей на 6 восточных языках (с. 9), 22 из них остались в семействе Хаддадов, 87 приобрел Институт Веллкома.

³ *Haddad F.S., Biesterfeldt H.H. فهرس المخطوطات الطبية العربية في مكتبة الدكتور سامي ابراهيم حداد. حلب، ١٩٨٤.*